

Борис Нечерда

Ранние стихи

Мастерская осени

Нету сутолоки. Нету баталий.
Ты живешь на острове.
Остров –
необитаем.

Возраст у мира – ясельный,
Природа пока – профан.
И нет у тебя
обязанностей,
только одни права!

Можешь
на жалкий берег
посматривать генеральственно
И запретить Коперника,
поскольку ты –
гениальнее!

В себе открываешь с маху
Толстого,
Врубеля,
Баха!

Захочешь – легко и бравурно
Вселенную переиначишь.
Человек,
будь трижды правильный,
иногда свою душу нянчит.

Он заботы найдет,
как заборы,
от всего вне его
ограждающие.
Умиляется он собою
и теряет свою
гражданственность.

Люди,
принимаю вашу
бессонницу!
Как нам больно в ночи гадать:
сколько их на земле,
робинзонящих,
в переполненных городах?

Верю в верность,
в мечту,
в братанье!
Потому и тревогу кричу,
если рядом со мной –
предатель,
даже временный,
даже чуть-чуть.
Люди,
наказать никогда не поздно,
не спешите судить-материть.
Помогите, когда он с острова
вплывь уходит на материк.

Стихи о мужестве

Когда моя победа –
явная,
и в пору пьедестальный камень,

я обращаюсь к сорок пятому
насколько память достигает...

Всходило солнце горным егерем
на Альпы туч,
а люди в санитарном ехали
и зажимали стон во рту.
А на перроне виноградарей
от злой торговли шибло в пот.
И довоенной фотографией
медсестрам хвастался слепой.

Одну позвал. Смеется:
– Девушка,
ты зря подарок не брала.
Твой тоже так...
Куда тут денешься?
И брал за талию:
– Приляг.

Она ладонью –
р-раз! –
аж полосы.
Кричит сквозь слезы:
– На те, на!
И кобуру рванул начпоезда –
молодцеватый лейтенант:
– Галина, стой.
Я сам...
Не мучайся...
Ушли вагоны
и стрельба.
Как не хватает людям мужества,
когда окончена борьба.

Танец

Приказ по редакции,
Блокноты с собой.
Общественный свитер
Да пара сапог.

А газетчику много надо ли,
если он вездесущий парень?
Он в степи закочует надолго
и крутым табачищем пахнет.

Только осень подвохи делает,
мол, найдем по косе и камень, –
и встречается девочка-девочка,
и похрустывает стебельками.

Я спросил ее имя-отчество,
почему она плачет в поле.

А она отвечает:

– Хочется.

А зовите меня –

Любовью.

И сияет щеками мокрыми,
да от ветра хоронит губы,
да щекочет меня намеками
о событии в клубе...

Там на стенке с рушниками
злится Мусоргский

И дрожмя дрожит от шалой
ярой музыки.

Позлащенными мехами
круг расчистили,

Пол защелкал каблучками –
каблучищами.

И стоит она стройным деревцем,
И от глаз никуда не денешься...
«Пригласи меня наугад.
Вот спасибо, спасибо...»
Не девчонка –
а Ниагар,
так и падает,
так и сыплется.
Эх, пойдет плясать,
начнет дробью,
и руками, и ногами,
а еще бровью.
Устоишь ли в хрычах,
новый хлопец?
Мне орут хохоча:
– Топай – топай!
Смешки зевак.
До чего же люто!
Эх, черта с два –
берегись-ка,
Любка!
А она свои дукаты
о пол сеяла!
И откуда ты такая
не осенняя?
Ху!..
«Доконала-таки, ну полноте», –
Мне сочувствуют сельские парни.
А она мне – улыбку:
– Помните,
это вам, – говорит, – на память...

Расставания, расстояния...
Но, наверное, любят люди
за хорошее –
очень давнее,
И за то, что когда-то
будет.

* * *

Я слова, может быть, комкаю
и срываюсь потому на крик,
что даются мне командировки,
как путевки северянину
в Крым.

О пропади вы пропадом,
вагонные Энеиды!
Сколько раз я пробовал
обмануть наитье.
Уговаривал себя забытья,
мол, меня все не касается;
от окружностей событий
удаляйся по касательной.

Перед гадом дверь захлопывал
или посылал в нокаут.
Но газетные хлопоты
возникают,
возникают...

Обо всем не расскажешь в очерке,
да и права-то не имеешь,
если чувствуешь в доме отчет
гастролирующим
Емелей.
Если судьбы людей –
крест-накрест
и горят, как сухое дерево.
Кто я, все-таки,
работяга
или просто
идейный деятель?

* * *

О, это небо блудит, блудит,
оно кишит крылами птиц,
когда к ночному дому люди
боятся близко подойти.

Там над столом сигарка бродит,
как синий чад
в версту длиной.
Садится творчество напротив
поиздеваться надо мной.

И я не знаю:
как, откуда? –
но вижу:
привязь обрета,
баркас дежурит, как акустик
над языком морских бродяг.
Его потом с припая снимут,
столкнут в осеннее вино...
Все так легко необъяснимо,
что нестерпимо в эту ночь!
Из дома прочь!

...Деревья шепчут
и в лунный брошены огонь.
И ты отчасти сумасшедший,
как над палитрами Ван-Гог!
А блики пляшут, звуки стонут,
и ты поставлен под удар.
Вот так в открытые кингстоны,
рыча, врывается вода.
А утром к дому.
Жалок, сморен,
за ночь – разжалованный царь.
И остается море – морем,
не объясненным до конца.

Но мы все чаще замечаем,
хоть все ошибки не видны,
осенней мудрости начало
и уязвимость –
глубины.

Марина Цветаева

Ми навантажені гучними цитатами,
як бочками кораблі.

Зоставила нам Цветаева
віршів
язичний колорит.
Муками нас морила,
морозила як замет.

Жила в Росії
Марина
окремо –
була смерть.

Очі підпабузників і сяк і так
бігали:
ну що ж повелить?
А потім видали їй
забуття,
як орден
за вислугу літ...

...Та шепіт ожив підпільний:
заборонена. «Клас! Модерн!»
Марино,
та ви не бійтесь,

це –
принципове «не те».
Це не вітер –
а мазання.
Не воскресіння – гроб!

Марино,
дістаньте маузер
і жарте баригам в лоб.
Стріляйте
в підпільні ридання,
винесені
на базар!
Я вірю, що ви –
радянська,
як пітерський комісар.

Я знаю:
ночами порожніми,
лякаючись тіней своїх,
поети
незаборонені
приносять обойми
їй!

Чоловіча пісня

Видно, мало відіграні, маршів
І одміряно верств ногами.
Людство в небі господарем майже
Та при боці тримає нагани.

Видно, мало йому похоронок
І відчаю оточень піхоти.
Може, знов по землі по холодній
Чоловіча частина походить?

Але поки ще з дому не вийшли
З речовими мішками назовсім.
– Подивіться, як жадібно вишні
Пригортаються вранці до сонця!

Журавлі підіймаються з поля
І від нас відлітають журливі...

О зверніть на коханих свій погляд.
Поки ніжні вони, а не сиві,
І шепочуть самими губами,
Що народять синів нам багато.

Ну, а ми їм квіток зриваєм –
І готуємось мовчки в солдати.

